

свою противоположность. «Этот **второй сверхчувственный мир** есть, таким образом, мир **наизнанку**, а именно (поскольку одна сторона уже имеется в первом сверхчувственном мире) **перевернутый мир** этого первого мира» (86).

Описание взаимоотношения двух сверхчувственных миров по праву можно отнести к числу наиболее насыщенных диалектическими подходами фрагментов «Феноменологии духа». Особенно важно в контексте данной статьи гегелевское указание на неразрывную связь двух миров: если первый непосредственно возводит воспринимаемый мир во всеобщую стихию, то второй дополняет первый принципом изменения. Чтобы адекватно понимать сущность, внутреннее, сверхчувственное (здесь правомерно употребить эти понятия в качестве синонимов), необходимо, по категорическому требованию Гегеля, раз и навсегда отказаться от представления о прикреплённости различий к отдельным «стихиям устойчивого существования» — необходимо **«мыслить чистую смену, или противоположное внутри самого себя, т. е. противоречие»** (88).

В качестве принципа диалектической логики требование понимать всеобщее как нечто подвижное, изменяющееся, способное к саморазвитию справедливо признается одним из наиболее выдающихся достижений гегелевской мысли. Однако реализация этого требования на конкретном «материале» (в данном случае применительно к развитию рассудка) показывает, что синтез противоположностей пассивно-всеобщего и активно-единичного не является результатом движения самих противоположностей, а осуществляется посредством вмешательства в развитие сознания всеобщего духа, детерминирующего обе противоположности. Происходит это, очевидно, потому, что в «Феноменологии духа» наряду с экзотерическим присутствует экзотерическое начало в развитии содержания. Движение каждого феномена оценивается не только с точки зрения его имманентных процессов, но и с «точки зрения» всеобщего духа, владеющего знанием о том, каким должно быть это движение. В кризисных ситуациях развития сознания, когда обнаруживается его неспособность снять развившееся до антагонизма противоречие, на помощь ему в лице философа-феноменолога приходит всеобщий дух, вводя между единичным и всеобщим как крайними членами умозаключения так называемый «средний термин». Для рассудка таким средним термином становится именно объяснение — тавтологическая деятельность сознания по выдвиганию противоположных определений. Объяснение замыкает на себе подвижность единичного чувственного бытия сознания и всеобщность порожденного им сверхчувственного мира, открывая взору сознания **бесконечное**.

Развитие рассудка в качестве феномена духа наглядно показывает, что у Гегеля экзотерическое начало одерживает победу над экзотерическим, а действительное развитие рассматривается сквозь призму спекулятивного. Именно поэтому «игра сил» как выражение процесса, в котором могло бы произойти действительное разрешение противоречия единичного и всеобщего, сменяется «объяснением» — изображением центрального компонента логической схемы, подчиняющей себе движение сознания. Именно поэтому ступень «особенного» в развитии сознания (несмотря на способность «сил» рассудка выходить вовне) не обретаёт реального налично-данного существования, а полностью замещается взаимодействием порожденных сознанием миров.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959. Т. 4. С. 74. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте статьи с указанием (в скобках) страницы.

Л. В. ЮРЧИК

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Марксистская трактовка соотношения сознания, материальной деятельности людей и языка исходит из признания первичности чувственно-предметной деятельности человека, общественно-исторической практики, преобразующей внешний мир и самого человека. Элементарные законы логики складывались в сознании людей под влиянием практического воз-

действия человека на реальный мир и шлифовались в процессе развития общественных отношений. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «...ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДА БЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ А К С И О М»¹.

Эволюция мышления прошла путь от преобладания наглядно-образного, ситуационно-действенного типа к более высокому уровню. Единая логика «филогенеза» и «онтогенеза» мышления, сознания определяется общими закономерностями развития, единством структуры соответствующих этапов материальной деятельности общества и индивида. Научное исследование закономерностей исторического генезиса сознания, закономерностей становления сознания индивида подтверждает, что чувственные обобщения предшествуют словесным и связь между чувственным признаком предмета и словом, обозначающим этот признак, образуется постепенно. Следует отметить, что в довербальный период становления познавательной деятельности первобытного человека формируется символическая функция психики, когда, например, с помощью жестов передаются характеристики того или иного действия, предмета. Согласно Ж. Пиаже, формирование символической функции, которая является необходимым результатом сенсомоторного интеллекта, способствует усвоению языка. Язык же является частным случаем «в совокупности проявлений символической функции»². М. М. Муканов отмечает, что к «символическому плану» относится не только процесс вербализации замысла, но и любая обобщенная репрезентация опыта, включая и невербальные стимулы³.

Такой подход дает нам ключ к решению проблемы соотношения вербальных и невербальных компонентов познавательной деятельности и возможность подойти в рамках этого соотношения к классификации знаков социальной коммуникации — что и является главной задачей статьи.

Уже в античности имело место деление знаков на естественные и искусственные. Традиция такого деления сохранена и во многих современных типологиях знаков. Однако вне поля зрения оставались знаковые системы ранних этапов познавательной деятельности, когда в филогенезе, а также и в онтогенезе (в свернутой форме) имелись свои, невербальные средства представления мышления: телодвижения, мимика, жесты, которые были доминирующими по отношению к звукам. С возникновением знаковой системы звукового языка все виды общения, имевшие место на ранних этапах развития познавательной деятельности, стали подчиненными, вторичными в системе коммуникации.

По замечанию А. С. Майданова, общее понятие языка охватывает широкий круг знаковых систем, встречающихся в ситуациях общения и выражения психических состояний⁴. В структурном же отношении различные по форме знаковые системы представляют собой одно и то же: отношение знака и значения, знака и обозначаемого объекта. Общее свойство знаков различных языков — быть средством представления, репрезентации внешнего по отношению к ним содержания. Ф. де Соссюр указывал, что любой сигнал может приобрести то или иное значение, т. е. стать знаком. Сигнальность-знаковость — неизбежная форма связи человека с окружающим миром.

Знаки различаются и животными: предметы становятся произвольным знаком в ходе ориентировочно-поисковой деятельности. Однако значения знаков у животного не выступают в интегральном виде как смысл. Характеристики сигналов определяются не столько объективным содержанием сообщения, сколь связаны с собственным аффективным состоянием и конкретной ситуацией. Сигнал же, функционирующий в человеческом обществе, связан с системой социально выработанных значений. Всякий знак может иметь множество значений. Практическая деятельность формирует устойчивость предметного, функционального, экспрессивного и смыслового значения знаков. И значение знака в таком случае определяется его контекстом⁵. Именно конкретная знаковая ситуация актуализирует одно из возможных значений или порождает новое. Существенность признака, свойства, значимость самого предмета или явления зависят от той роли, какую они играют в деятельности человека, какой смысл они приобрели для него. «Не частота появления того или иного признака или свойства предмета делает его значимым или существенным, а та роль, которую этот признак сыграл в жизни человека»⁶.

Находясь в общественной среде, взаимодействуя как существо социальное с другими, себе подобными, человек постоянно подвергается воздействию знаков-сигналов. Звуковая речь — не единственное средство «знакового обеспечения» мышления человека и коммуникационных процессов в обществе.

Основоположники марксизма-ленинизма, говоря о значении языка в формировании человеческого интеллекта, отмечали определяющую роль общественного производства, которое постоянно оказывает влияние на язык, модифицирует и развивает его. Поэтому абсолютизация роли естественного языка в становлении мыслительной деятельности человека приводит к упрощению генетического отношения «предметно-практическая деятельность — языковое мышление».

Нельзя не согласиться с мнением Л. И. Бондаренко о том, что первоначально мышление осуществлялось только непосредственно в ходе производства, на следующем этапе — в языке жестов, далее — в звуковом языке⁷. В развитии мышления «жестовая речь» сыграла, по-видимому, определенную роль. Постепенно редуцируясь и теряя свой «рисуночный характер», она оставила лишь рудименты — жесты, которыми пользуются современные люди в общении и которые являются вспомогательными средствами коммуникации. Элементы «языка жестов» наблюдаются и в онтогенезе нормального ребенка, однако действие их минимально: ребенок находится в «готовой» звуковой среде.

Исходя из сказанного, система знаков социальной коммуникации может быть представлена в следующих трех видах: 1) невербальные знаки (телодвижения, мимика, жесты, звуки), связанные с функционированием чувственных познавательных форм (ощущения, восприятия, представления) на первом этапе их развития; 2) вербальные знаки (слово, предложение, текст) как необходимое условие развития познания на логическом уровне, оперирующем понятиями, суждениями, умозаключениями; 3) искусственные знаки (знаки формализованных языков), связанные с новым уровнем развития логики и специальных форм научного познания.

Предложенная классификация знаков социальной коммуникации представляет собой открытую систему: во-первых, в филогенезе истоки социальной знаковой системы связаны с зоопсихологической коммуникацией. Интеллект человека аккумулирует в себе итоги биологической эволюции психики. Предпосылкой формирования знаковой деятельности человека является выделение коммуникативных сигналов из системы врожденных форм поведения высшего животного и постепенное отдаление их от исходной поведенческой основы. Важную роль при этом в развитии познавательных процессов и поведения высших животных играет способность схватывать общую взаимосвязь особенностей ситуации, специфику сигналов и регулярно следующих друг за другом событий. Эти и другие факты являются эволюционными предшественниками знакового поведения человека⁸.

Во-вторых, открытость позволяет данной системе знаков беспредельно развиваться и совершенствоваться. Предложенная система знаков включает потенциально бесконечное множество знаков, ибо человеческий язык как система знаков особого рода исторически изменчив и развивается в связи с возникновением новых познавательных задач. С этой целью для описания определенных предметных областей, для решения специальных задач науки на базе естественного языка создаются искусственные знаки. С помощью естественного языка определяется или описывается значение знаков искусственного языка, правила его построения и функционирования.

В онтогенезе все уровни системы знаков оказываются взаимосвязанными и тем самым отражают этапы развития мыслительной деятельности человека. Взаимодействие между абстракцией и живым созерцанием является сущностной стороной мышления. Абстрактные операции (понятие, суждение, умозаключение) включают свою чувственную подоснову: «Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем»⁹. В свою очередь, чувственная ступень познания опосредуется словами — одни из них непосредственно связаны с чувственными образами, другие находятся в более сложной связи с чувственной основой познания. Абстрактное мышление современного человека разворачивается на базе естественного языка. Но возникновение самого языка предполагает известный уровень развития невербального

мышления: развитие наглядно-образного, практического мышления, непосредственно включенного в практическую деятельность первобытных людей. Вербальный язык возник как один из способов закрепления и развития знаковых отношений, необходимых для жизнедеятельности человека.

Ряд исследователей генезис речевого общения связывает с переходом от нерасчлененных звуковых образований к словам. В процессе дифференциации, расчленения исходных звуковых комплексов происходит формирование структуры высказывания и его элементов. Воздействие общего содержания мышления на историческое развитие структуры языка проявляется в непрерывном совершенствовании языковых средств его выражения — понятий, смысловых отношений. Компоненты же языковой структуры могут оказывать обратное воздействие на содержание и формы мышления, внося в него такие смысловые моменты, которые в самой его природе, рассматриваемой безотносительно к структуре используемого языка, не всегда находят обоснование.

По мнению некоторых авторов, изучение процессов вербальной передачи информации должно опираться как на артикулируемые, так и на неартикулируемые знаки, так как неязыковые системы передают содержание, аналогичное сообщаемому посредством естественного языка. «В антропологическом плане речепроизводство и артикуляция в принципе не могут быть оторваны от всех естественных, сопровождающих артикуляционное речепроизводство, динамических, кинетических и других механических движений человека»¹⁰.

Однако, как было отмечено выше, все неязыковые факторы играют вспомогательную роль в общении, вербальный язык — главную, так как зарождение и развитие его необычайно ускорило формирование человеческого интеллекта: передавался не только опыт, но и логический строй мысли. Довербальные средства общения заменяются более совершенными средствами — словами. Тем самым открывается новая эпоха в психическом развитии человека, его познавательной деятельности. Вербальный язык, став универсальной опорой для мыслительной деятельности человека, дает возможность «воспроизводить» более адекватно свойства и законы объективного мира.

Предложенная классификация знаков социальной коммуникации позволяет представить взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов познавательной деятельности человека, этапы и уровни ее развития, а следовательно, «включение», присвоение знаков особой системы — культуры. Социальная коммуникация базируется на качественно иных информационных основах. Человечество выработало специфический, «надбиологический» механизм социальной наследственности, обеспечивающий накопление, хранение, передачу существенно важной информации, программирующей поведение индивидов от поколения к поколению. Культура возвышает деятельность человека до всеобщих навыков, умений, знаний, до всеобщего социального опыта.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

² См.: Семиотика. М., 1983. С. 136; 134—135.

³ См.: Исследование речемышлительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 69.

⁴ Вопросы философии. 1977. № 11. С. 121.

⁵ См.: Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М. 1982. С. 60—61.

⁶ Зейгарник Б. В. Роль психологических исследований в анализе структуры мыслительной деятельности. М., 1966. С. 35.

⁷ См.: Бондаренко Л. И. Основные этапы становления сознания. Кисев, 1979. С. 168.

⁸ См.: Горелов М. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. 1980. С. 19.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 320.

¹⁰ Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1974. С. 46.

А. Н. ЕЛСУКОВ

РОЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО

В современной методологической литературе научное и техническое творчество чаще всего рассматриваются как два самостоятельных вида интеллектуальной деятельности, существенно отличающиеся друг от дру-